

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ЯЗЫКА ПИСЕМ А. П. ЧЕХОВА «БЕЗ ЦЕРЕМОНИЙ»

Е. Н. Бекасова

Оренбургский государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 4 февраля 2018 г.

Аннотация: феномен личности А. П. Чехова обуславливает особенности языка и содержания его писем, среди которых выделяются письма к целому ряду адресатов, выдержанных в будничном тоне, с перечислением житейских подробностей, намеренной диалогизацией. Судя по исследованию данной сугубо личной категории эпистолярного наследия писателя, можно утверждать, что письма являлись сознательным его выбором для общения с близкими ему людьми, от которых он также ждал соответствующих ответов. Сам А. П. Чехов охарактеризовал их как письма «без церемоний», что позволяло сохранять безыскусственность и простоту общения в соединении с подробностями обыденной жизни человека, который интересен автору во всех своих проявлениях. Системный анализ таких писем позволяет уточнить отношения А. П. Чехова к человеку, достоинствам обычной жизни через призму присущей исключительно ему искренности и деликатности, а также выявить концептуальные универсалии его творческого почерка.

Ключевые слова: частное письмо, письма А. П. Чехова, языковая личность, традиционный и индивидуальный слой эпистолярного стиля.

Abstract: the phenomenon of A. P. Chekhov's personality explains features of language and contents of his letters, especially private letters to several addressees, to whom he wrote in an everyday tone, describing his routine in an explicitly dialogic manner. The study of his private letters demonstrates that the the manner and style of these letters was a conscious choice of the writer and that he expected the same kind of tone in the letters of his nearest and dearest as well. A. P. Chekhov himself described his private letters as "non-ceremonial", and this allowed him to keep communication simple and to talk about routine of everyday life of a human, in whom the writer was genuinely interested. Systemic analysis of Chekhov's letters reveals the writer's attitude towards people and their private life "through the prism" of his sincerity and tactfulness. The analysis also demonstrates conceptual universals of his unique style.

Key words: private letter, A. P. Chekhov's letters, language personality, traditional and individual layer of epistolary style.

Отмечаемая исследователями и вдумчивыми читателями особая притягательность писем А. П. Чехова, безусловно, кроется в феномене личности автора. Это в свою очередь обуславливает особенности языка и содержания личных писем, где главным становится реальность человеческого общения, в котором присутствуют «житейские» детали, обыденность текущего момента, повседневные подробности и будничность языка. Эти важнейшие особенности действительно личных писем, «лично для тебя» и не для печати, изначально были охарактеризованы самим А. П. Чеховым как письма «без церемоний», которые он также ждал и от своих адресатов – «пишите без церемонии, дабы не существовала какая-то натянутость. Я... буду Вам писать таким же тоном» (П. I, 16). Как в творчестве, так и в письмах для А. П. Чехова было важно, чтобы «местами не утомляться» и не было «много кокетства и мало простоты» (П. V, 246).

Исполненные простоты и искренности письма А. П. Чехова – во многом продолжение древнерусской традиции «одушевленной беседы», которая во всей своей глубине проявилась в посланиях протопопа Аввакума. Отсюда в письмах А. П. Чехова наблюдаются многочисленные «обмолвки» с акцентом на устную речь, например: «Я о себе ничего не скажу, разве только что я жив и здоров» (П. I, 15), «хочется поговорить с тобой, или, вернее, поразговаривать» (П. IX, 207), «но насчет службы у Суворина ничего определенного сказать не могу, хотя думал очень долго» (П. IX, 208), «я знаю, что М. Чехов скажет: «Накрутил брат такое глупейшее письмо! Так это у него и здоровенное?» А я вот что скажу...» (П. I, 18) и под. «Разговорность» может выстраиваться в своеобразный диалог с адресатом, где его отсутствующие, но прогнозируемые реакции отражаются в ответных репликах, например: «Удишь рыбу? Умница» (П. XI, 27).

В этой атмосфере со-беседования вполне уместны перформативы, обычно сопровождающие действия коммуникантов в момент речи, например: «В этом письме Вы протягиваете мне руку брата; с чувством достоинства и гордости я пожимаю ее, как руку старшего брата» (П. I, 15), «Крепко жму руку, будь здоров» (П. IX, 237), «Ну, будьте здоровы, жму крепко руку. Поклонитесь Вашему Максимке» (П. VIII, 157), «Обнимаю тебя крепко и еще раз благодарю за письмо» (П. VIII, 9) и под.

Особенно разнообразны подобные маркеры, призванные компенсировать разлуку близких людей, в письмах к О. Л. Книппер-Чеховой («Целую моего карапузика и обнимаю» (П. XI, 40), «Целую тебя, обнимаю, кусаю за ухо, потом кусаю за плечо, глажу тебя по спине и остаюсь твой лысенький супруг» (П. XI, 18) и др.).

Для такого общения время и пространство не представляют никакой преграды: «Дражайший Брат Миша! <...> Наши (московские) теперь спят, т. е. теперь, когда я пишу это письмо. Так-то» (П. I, 18).

Иллюзия близости с собеседником-адресатом может разворачиваться в целые картины, объемно представляющие мыслимое действие, например: «Какой бы тебе сделать выстрел такой, чтоб ружье осечки не дало? Кладу 2 заряда, и пли! Выстрел удачен! Ружья не разорвало, но перо чуть не поломалось. Раздается треск, и вместе с дымом летят следующие слова прямо в Москву <...> У меня голова болит, и я носом кручу: в комнате воняет порохом и пороховой дым покрывает кровать, как туман; вонь страшная. Это, видишь ты, мой ученик пускает в комнате ракеты и подпускает вместе с тем своего природного, казацкого, ржаного, батыковского пороха из известной части тела» (П. I, 17).

Смоделированная информация, воздействующая на слух, зрение и обоняние («пли!», «воняет порохом», «дым покрывает кровать, как туман», «вонь страшная», «видишь ты») переплетается с реальностью создания строк – «Ружья не разорвало, но перо чуть не поломалось. Раздается треск, и вместе с дымом летят следующие слова прямо в Москву». Это создает полную иллюзию совместного присутствия адресанта и адресата при реальном и ирреальном действе.

Фактически мы наблюдаем тот эффект соединения виртуального и реального в письменном тексте, который наиболее последовательно развернут Аввакумом в письме «отцам святым» и «преподобным маткам», заканчивающемся словами, свидетельствующими о достижении главной цели автора – «Повидался с вами» [1, с. 167–168].

А. П. Чехов об этой возможности общаться с близкими пишет достаточно определенно: «Не имея счастья тебя увидеть еще раз, я принимаюсь за чер-

нила» (П. I, 21), «Как поживаете? Пишите побольше. Видите, я пишу почти каждый день» (П. VIII, 277), «Обо всем пиши мне, ничего не скрывай, ведь я самый близкий для тебя человек, хотя и живу далеко» (П. XI, 81), «Пиши, моя дуся, умоляю тебя, а то я тут в прохладе и безмолвии скоро заскучаю» (П. XI, 75), «Пиши, братец! Я жду каждый день письмо, написанное твоею рукой. Напиши, как ты поживаешь, как поживает твоя семья, как поживает Елизавета Михайловна...» (П. I, 25) и др.

Практически в каждом письме А. П. Чехова к близким ему людям, в частности к жене, сквозит потребность в том, чтобы находиться рядом с дорогим ему человеком, видеть его в обыденной жизни: «Милая собака, отчего я не с тобой? <...> На лето нанимай такую дачу, чтобы можно было писать там; тогда я буду рано вставать, и чтобы на даче был только я с тобой, если не каждый день, то хоть раза три в неделю» (П. XI, 102) и др.

Само построение писем А. П. Чехова нередко становится отражением простой жизни, складывающейся из каждодневных бытовых реалий и потребностей: «Вчера ел осетрину с хреном, который привез с собой. Скажи Маше, чтобы она непременно купила у Белова хрена и привезла, также окорок и прочее тому подобное» (П. XI, 76), «У меня насморк. Волосы лезут, как никогда не лезли, и кожа болит на голове. Пожужу еще немного, и если не перестанет болеть, то обреюсь, т. е. обрею голову. М. С. Смирнова просила купить для нее татарские туфли, а мерки мне не дала» (П. XI, 19), «Ехал я хорошо, народа в вагоне было мало, всего четыре человека; пил чай, ел супы, ел то, что ты дала мне на дорогу. Чем южнее, тем холоднее; в Севастополе застал я мороз и снег. <...> В Ялте застал холод, снег» (П. XI, 75), «Погода здесь изменилась, стало очень жарко, так что пришлось фуфайку заменить сеткой. Здоровье мое становится все лучше, крепче, ем я достаточно» (П. XII, 130).

Нередко информативность письма сужается до констатации неких реалий, нередко повторяющихся или слегка варьирующихся изо дня в день: «У меня все благополучно, я здоров, не кашляю, сплю хорошо и ем хорошо» (П. XI, 76), «Спим с открытыми окнами, с жалюзи. Кстати сказать, я уже сплю хорошо, как и прежде, очевидно, дела мои по части здоровья пошли на поправку по-настоящему» (П. XII, 130), «Мать в Петербурге, сестра красками не пишет, жена выздоровела, Вишневецкий ходит каждый день» (П. XI, 69) и др.

Протокольная точность фиксации происходящего производит впечатление разноцветного «калейдоскопа», где смешиваются вещи и люди, важное и незначительное, случайное и типичное, каждодневное и необычное: «Погода теплая, но скучная. Здесь Левитан» (П. VIII, 337), «Была начальница гимназии.

Сегодня снегу уже нет, стаял. Солнечно» (П. XI, 76)», «Жарко, ветер, неистово дую нарзан. Сегодня получил от Немировича письмо, получил пьесу от Найденова. Еще не читал. Немирович требует пьесы, но я писать ее не стану» (П. XI, 27–28), «У нас обеды хуже, чем были в Любимовке, осетрина только хорошая. Я ем гораздо меньше, но молоко пью; пью и сливки, довольно порядочные. Дождя нет, все пересохло в Крыму, хоть караул кричи. Вчера был у меня Доросевич. Говорили много и долго о разных разностях» (П. XI, 28) и под.

Обыденность подчеркивается своеобразным «телеграфным» стилем, в котором отражается знаменитый чеховский лаконизм: «Здесь погода не холодная, но серая, грязноватая, скучная. Публика серая, вялая, обеды дома невкусные» (П. IX, 207), «Слышу: Шнап на дворе лает тяжелым басом. Кто-то пришел. М-ме Средина» (П. XII, 80), «Замок цел. Сапоги почистил, фуфайки же в шкафу не оказалось. Купил много закусок, целый ящик – везу теперь в Ялту. Огурцов не успел купить. В вагоне пыль» (П. XI, 14), «Газет скопилась чертова пропасть, никак не сложу их; сколько в них всякого вранья!» (П. XI, 76) и под.

На наш взгляд, такая лаконичность писем А. П. Чехова кроется не только в их бытовом характере, когда речевой поток, сопровождающий обыденный слой общения, фиксирует только событийность факта, но также обусловлена тем, что автор писем не нагружает своего собеседника деталями своей жизни (ср.: «Я о себе ничего не скажу, разве только что я жив и здоров») вследствие особой чеховской деликатности и застенчивости. Отсюда и особые концовки писем или приписки, например: «В заключение вопрос: не находите ли Вы, что я надоедаю Вам продлинновенностью своих писем?» (П. I, 76), «Милостивому государю Михаилу Михайловичу г-ну Чехову в собственные руки (не очень нужное)» (П. I, 21).

В связи с этим, видимо, так широко и разнообразно представлен «погодный» код в письмах зрелого А. П. Чехова, который также становится фоном для каких-либо личных сообщений: «Кричат журавли. Здесь уже скоро, через месяц, через полтора, будет весна» (П. XI, 76), «У нас ничего, если только не говорить о погоде, которая потеплела, стала приличной. А дождя все-таки нет, и не похоже, что он когда-нибудь будет» (П. XI, 40), «У нас дожди, сено попрело» (П. XI, 9), «Речка здесь прекрасная, глубокая, рыбы много» (П. XI, 12), «Петушки посажены. Осенью посажу их тысячи. Дом всё растет и растет. Погода стала чудесной, с моря уже не дует сыростью, всё так нежно и трогательно» (П. VIII, 142), «В Ялте жарко, дождей нет совсем, и похоже, будто не будет, по ночам я обливаюсь потом. Чернила сохнут. А ведь завтра сентябрь! Деревья в саду не пропали, но и ни на один вершок не выросли» (П. XI, 29), «В Ялте

чудесно, совершенно летняя погода, и это скверно. Всю ночь кричат коты, воют собаки, снятся могильные склепы, а днем ярко светит солнце и томят воспоминания, скучно по холоде, по северным людям» (П. X, 157) и др. При этом А. П. Чехов пишет в полном соответствии со своими литературными установками, о которых пишет в письме к А. М. Пешкову: «красочность и выразительность в описаниях природы достигаются только простотой, такими простыми фразами, как “зашло солнце”, “стало темно”, “пошел дождь”» (П. VIII, 9).

С одной стороны, следует согласиться с Е. Невзглядовой, что эти «несколько слов о погоде или природе», которые «есть в каждом письме», «как бы содержат кусочек его души. Тень его прозы лежит и на этих письмах» [2], с другой – лаконичные зарисовки природы в письмах А. П. Чехова, как правило, сопровождаются сведениями о состоянии самого автора – прежде всего его физического здоровья. При этом в своих вопросах он также просит от своих корреспондентов сообщений о здоровье, например: «Напиши, как теперь зубы, что подельываешь и как себя вообще чувствуешь» (П. X, 11), «Напишите также, как здоровье Александра Родионовича; играет ли он уже, или всё еще сидит дома» (П. X, 108).

В определенной степени это отголосок, как пишут некоторые исследователи, его погружения в будничные заботы, но нам видится в этом более высокий, над-бытийный смысл, поскольку физическое состояние человека и окружающей его природы не только составляют важную часть его жизни, но и нередко являются отправной точкой и главным в духовной жизни и культурном событии. Кроме того, именно так называемая бытовая сфера является тем важнейшим звеном, которое во многом соединяет именно близких людей.

В связи с этим считаем необходимым опровергнуть мнение о том, что в письмах последних лет «стиль становится более сдержанным и унылым, из них уходят былая яркость и образность изложения». Скорее всего именно зрелость приводит к определенной сдержанности и некоей аскетичности, которые всегда сквозят в чеховских письмах, но свою четкость и органичность приобретают в его поздних письмах. Именно эта преемственность эпистолярного стиля А. П. Чехова не дает оснований трактовать его письма к О. Л. Книппер-Чеховой «как упаковочный материал», как стереотипные письма – «ласково-веселое начало и такой же конец, а между ними сведения о погоде и бытовых проблемах» [2].

Лаконизм писем, в том числе и в указанных фрагментах, не столько определяется творческими принципами А. П. Чехова, сколько двумя взаимосвязанными причинами – не загружать своего корреспондента как чтением, так и написанием писем, при этом

даже малая «весточка» становится значимой: «Черкните мне хоть одну строчку, милый человек, не полнитесь» (П. X, 52), «кстати же, ради создателя, напишите хоть две-три строчки, как Вы живете, как Ваше здоровье и настроение. Пожалуйста, убедительно прошу Вас! Я к Вам давно привык, люблю Вас и уважаю очень, и Ваше здоровье интересует меня живее, чем Вы могли бы думать» (П. X, 41).

Своеобразный разговор через время и пространства требует определенного структурирования текста письма, которое особенно последовательно прослеживается в своеобразной вопросно-ответной форме, представленной несколькими разновидностями.

Наиболее типичными являются письма-вопросы, которые свидетельствуют об искреннем желании А. П. Чехова узнать подробности жизни интересующего его человека, например: «Радость моя, голубчик, дуся, жена моя, как живешь без меня? Что чувствуешь, о чем думаешь?» (П. XI, 76), «В деревне скучаете? Нет?» (П. X, 157), «Напиши, как живешь, как Иван, что слышно» (П. X, 202) и пр.

В письмах-ответах А. П. Чехов последовательно и скрупулёзно отвечает на поставленные вопросы, которые могут быть представлены, в том числе и точными цитатами, например: «Ты просишь ответа на вопросы, которые предлагаешь в своем последнем письме. Изволь! Да, визитеры уже одолевают меня.<...> Ты пишешь: “я очень рада, что тебе так нравится в Ялте и что тебе так хорошо там”. Кто тебе писал, что мне тут так хорошо? Затем ты спрашиваешь, что мне сказал Альтшуллер. <...> Настроение? Прекрасное. Самочувствие? Вчера было скверно, принимал Гуниади, а сегодня – ничего себе» (П. XI, 27), «Ты пишешь: “Как же ты меня зовешь в Ялту, раз ты сам говорил, что мне нельзя ехать? Не понимаю. Вообще ничего не понимаю. Я звал тебя в Ялту и при этом писал, чтобы ты попросилась у Таубе и Штрауха. Не я говорил тебе, что тебе нельзя ехать, а доктора. Ты пишешь, что вообще ничего не понимаешь. Чего, собственно, не понимаешь? Я выражаюсь как-нибудь иносказательно? Я обманываю? Нет, нет, нет, дуся, это все нехорошо”» (П. XI, 29).

Такая последовательность в ответах обычно свойственна для писем к жене, когда тон полученного письма, с одной стороны, требует более подробного разбора всех «спорных» мест, а с другой – достаточно жесткого и не позволяющего инотолкования ответа, ср.: «Милая моя, родная, опять я получил от тебя странное письмо. Опять ты взваливаешь на мою башку разные разности. Кто тебе сказал, что я не хочу вернуться в Москву, что я уехал совсем и уже не вернусь этой осенью? Ведь я же писал тебе, писал ясно, русским языком, что я приеду непременно в сентябре и буду жить вместе с тобой до декабря.

Разве не писал? Ты обвиняешь меня в неоткровенности, а между тем ты забываешь всё, что я говорю тебе или пишу. И просто не придумаю, что мне делать с моей супругой, как писать ей. Ты пишешь, что тебя дрожь пробирает при чтении моих писем, что нам пора разлучаться, что ты чего-то не понимаешь во всем... Мне кажется, дуся моя, что во всей этой каше виноват не я и не ты, а кто-то другой, с кем ты поговорила» (П. XI, 40).

В ряде случаев письма А. П. Чехова соединяют вопросы к адресату и ответы на будущие возможные аналогичные вопросы к автору письма: «Как живешь? Какова погода? Сегодня в Ялте стало немного прохладней, дышать можно, ночью же было душно и вообще скверно» (П. XI, 18), «Будьте добры, напишите мне, как Вы поживаете и что нового. Я жив и здоров. Погода сегодня великолепная» (П. X, 108) и под.

Системный анализ писем «без церемоний» позволил выявить стержневые параметры данной части эпистолярного наследия А. П. Чехова, представляющей сугубо личные письма к близким и родным людям, для которых автор создает особую чеховскую атмосферу уюта и простой, домашней жизни, основанной на всеобъемлющем семейном чувстве автора в его потребности передать прелесть и достоинство обычной жизни.

Безусловно, «сложность и многослойность» писем А. П. Чехова заключает «и целостность авторской личности, и художественные тенденции творчества, и всю ту историческую традицию художественной культуры письма, на которую опирается А. П. Чехов» [3, с. 128], но при этом особая установка на письмо «без церемоний», на последовательную искренность и ту будничную событийность, которая связывает близких людей, создает особый, непередаваемый не столько стиль, сколько беседу А. П. Чехова и ее особую притягательность в трансформирующемся мире, где так сложно удержаться на оси истинных чувств и реальных действий. Некая отстраненность, которую вне системы подобных писем принимают за закрытость или ироничность автора, обусловлена, с одной стороны, величайшей скромностью и деликатностью А. П. Чехова, с другой стороны, его универсальной лаконичностью, в которой сочетается минимизация глубоко осмысленных явлений с предъяснением мелких индивидуальных подробностей.

А. П. Чехов, «как пример воплощения элитарного типа национальной культуры» [4, с. 128], неизменно сохраняет простоту общения в своих письмах, не допуская, с одной стороны, сковывающей чопорности и этикетности, с другой – пафоса, философствований, публицистичности, селективности и намеренной обработанности текста. В его переписке главным становится ценность обыденного человека и челове-

ческой жизни во всех ее проявлениях, в результате чего материализация жизни, в том числе через время и пространство, становится одним из существенных признаков писем «без церемоний». Фактологическая составляющая, нередко в виде бытийной канвы, передается с нескрываемым удовольствием от соприкосновения с бытом и его созерцанием, и представляет не столько художественный принцип писателя, сколько его мировосприятие, что позволяет отчасти заглянуть в истоки «подземного роста» души писателя [2; 5], поскольку обиходный слой, составляя фундамент духовной культуры [6, с. 83], переплавляется в письмах А. П. Чехова в «высший» слой, созвучный с литературной деятельностью автора, усиливая ее значимость. Письма «без церемоний» с особой силой раскрывают неподдельную искренность самовыражения автора и будничность, иногда на грани чисто физического переживания, которые становятся со-бытием великой личности, ограняя ее глубину и истинность в любом ее проявлении под пером.

ЛИТЕРАТУРА

1. Житие Аввакума и другие его сочинения / сост., вступ. ст. и комм. А. Н. Робинсона. – М. : Сов. Россия, 1991. – (Б-ка рус. худ. публицистики).

Оренбургский государственный педагогический университет

Бекасова Е. Н., доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики преподавания русского языка

E-mail: bekasova@mail.ru

Тел.: 8-922-552-93-29

2. Письма Чехова / Е. Невзглядова. – Журнальный зал : Звезда. – 2016. – № 7. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2016/7/pisma-chehova.html>

3. Ковалёва Н. А. Письмо как вид композита / Н. А. Ковалёва // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – 2016. – № 2 (201). – С. 121–128.

4. Голованова Е. И. Языковая личность А. П. Чехова в эпистолярном дискурсе / Е. И. Голованова // Интерпретация текста : лингвистический, литературоведческий и методический аспекты. – 2011. – № 2. – С. 232–236.

5. А. П. Чехов в восприятии современников / вступ. ст. А. Туркова ; сост., подгот. текста и комм. Н. Гитович. – М. : Худож. лит., 1986. – 735 с. – (Литературные мемуары).

6. Панченко А. М. Я эмигрировал в Древнюю Русь. Россия : история и культура. Работы разных лет / А. М. Панченко. – СПб. : Изд-во журнала «Звезда», 2005.

ИСТОЧНИК

1. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Письма : в 12 т. / А. П. Чехов ; АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. – М. : Наука, 1974–1983.

Orenburg State Pedagogical University
Bekasova E. N., Doctor of Philology, Professor of the Russian Language and Methods of Teaching Russian Language Department

E-mail: bekasova@mail.ru

Tel.: 8-922-552-93-29